

Точка зрения

ЕЩЕ СОВСЕМ недавно правда вынуждена была изобретать свою тайнопись сообщения с внешним миром. Чтобы пробудить охваченное летаргическим сном общественное сознание, она вспомнила древний язык Эзопа, она создавала миры, в которых мы узнавали себя и с трагической ясностью читали свое будущее. Мы не знали, наступит ли день, когда придет конец диктатуре лжи, и потому осваивали код правды, учась калькировать с событий многовековой давности свой сегодняшней день.

Драматург Эдвард Радзинский был одним из немногих, кто пытался прорвать блокаду молчания. Историк по образованию, в многотрудной биографии человечества и России он выбирал страницы, которые помогали прояснить происходящее в нашем обществе. Почему становится ненавистным тот, кто несет истину и добродетель и сам живет в гармонии с провозглашенными им нравственными законами? Почему его снисходительная доброта и выстраданная мудрость — тяжкий крест для его современников? Почему его непоколебимая вера в доброту человеческой природы вызывает улюлюканье толпы? Не потому ли, что самосовершенствование — весьма тернистый, а значит, для многих недоступный или нежелательный путь?

— В одной из лучших своих пьес — «Беседы с Сократом» — вы исследовали механизм противостояния личности и общества. Духовный пастырь и толпа. Аскет и люд, жаждущий хлеба и зрелищ... Понимал ли Сократ, решивший бороться против толпы, что исход этой борьбы предрешен?

— Думаю, да. Его предсмертные слова: «...я был осужден не потому, что у меня не хватило доводов на суде. Доводы мои не слушали. Вместо них сограждане ждали только покаяния».

Мы выучили удобную формулу — «глас народа — глас божий». Но вспомните и другое: «глас народа Христа распял». И добавьте: не Христа Сократа, а также множество других мыслителей и провидцев. Эти горькие истины казались мне достаточно общеизвестными и банальными, чтобы еще раз напоминать о них. В истории Сократа меня волновал нравственный смысл его учения: идея любви. Сократ пытался открыть согражданам, погрязшим в мелкой борьбе и ненависти, величайшее значение любви к ближнему своему. Он постиг, что разум без любви слеп. Именно это казалось мне тогда важным для нашего общества, в котором долго проповедовалась нетерпимость.

Сократ был совестью Афин, и нам по наследству отошла никем не учрежденная «должность Сократа». Это должность человека, постоянно задающего вопросы, ответы на которые вроде бы всем ясны. Или же такие, о которых все знают: бесполезно спрашивать — ответа не получишь. Мы ведь помним времена, когда задавать вопросы было просто опасно. И люди научились молчать, лишь сократы с несгибаемым упорством продолжали спрашивать. За это их преследовали, а иногда и физически уничтожали. Общество постепенно превращалось в общество великих молчаливых. О правде же, как говорит Сократ, нужно кричать. Если же крик о правде, как случается и сегодня, потонет в общем неодобрительном гуле, мы можем надолго распрощаться с надеждой на реальные изменения.

Кажется абсурдным, что за века истории человечество не научилось избегать ошибок пройденного. А ведь почти все уже было до нас. Возьмите историю Рима, времена императора Траяна. Правителем стал нормальный человек, который искренне хотел оздоровить погрязшее в безнравственности и разврате римское общество. Плиний-младший писал, что наконец-то можно безнаказанно говорить о злодеяниях Нерона и Калигулы. Тогда было решено покончить не только с доносками, но и с донощиками: их всех собрали, посадили на плоты и отправили на волю свирепой реки Тибр. Доносчики, видимо, погибли, но доносы поухили лишь на время. Вскоре справедливый цезарь умер, его место занял не столь справедливый. И все вернулось на круги своя. Ничто не может изменить кардинально, пока жизнь общества зависит от воли хорошего человека, а не от хороших законов, которые гарантируют свободное развитие личности, ее социальную защищенность, пока не создана система жесткого контроля за соблюдением этих

Эдвард РАДЗИНСКИЙ:

КАКОЙ
ИДЕЕ
СЛУЖИМ

законов. То есть пока нет правового государства. Причем правовое государство удивительно связано с плюрализмом. «Оппозиция есть вещь, свойственная цивилизованному устройству», — утверждал декабрист Лунин.

— Видимо, эти исторические параллели и отодвинули появление пьесы на сцене на шесть лет...

— Помогло редкое в те годы упорство театра и еще... удивительное равнодушие одного вновь назначенного чиновника. Поистине прав был Талейран, говорил: «Чем меньше рвения, тем больше пользы».

Почему еще мне казалась необходимой пьеса о философе, само имя которого — гимн интеллекту, интеллигенции? Мы стали свидетелями организованного понижения культуры. В партии, борясь со своими оппонентами — блестящими эрудитами, Сталин сделал подозрительным само понятие «образованный марксист», которым гордились большевики в ленинский период. На смену пришло понятие «верный» — верный ученик, верный продолжатель дела... Место партийных интеллектуалов заняли исполнительные люди, подчас с низким интеллектуальным запасом. В обществе тоже состоялся разгром культуры: вынужденная эмиграция блестящих представителей мысли, уничтожение в тридцатые годы следующего поколения художников, рожденных идеализмом революции, создание в сфере искусства послушной бюрократической машины. Бескультурье и неинтеллигентность постепенно становились синонимом благонадежности. Гордились: «Мы университетов не кончали...»

Сейчас мы все кланем бюрократию, забывая, что она есть во всем мире. Просто нигде в мире нет такой бюрократии — некультурной, некомпетентной, неподготовленной к управлению, но взявшей на себя смелость управлять всем. Не умея управлять, эта бюрократия замечательно умеет подчиняться. Закаленная в угодничестве, она поразительно легко воспринимала перестройку: прежнее слововорение (парадное) она моментально заменила новым (самокритическим). Странную и непривычную терпимость верховной власти эта бюрократия расценила как слабость и безразлично все более и более погружает страну в экономический, а теперь уже и политический (забастовки) кризис. Всякий мало-мальски честный западный бюрократ, выслушав такую критику в свой адрес, какая звучит сейчас по всей стране, немедленно

уйдет в отставку. Нашему бюрократу это смешно и странно...

— Но чтобы совершить такой шаг, необходимо иметь четкие представления и о морали, которая существует в обществе, и об элементарных нормах человеческого поведения — порядочности, нравственности, достоинстве...

— Если говорить коротко, существование морали — в соблюдении тех заповедей, которые высказаны в величайшей книге, созданной человечеством. Не в пример иным полным собраниям сочинений, которые еще недавно у нас издавались и на которые нам хватало бумаги, на эту книгу бумаги никогда не хватало: мы единственная страна в мире, где библия продается за бешеную

цену. XX съезд совершил революцию в умах. Но тогда же у людей, причастных к руководству страны, появился страх, что в стране... исчезнет страх. И народу было предложено, пожалуй, самое пагубное для нравственности: жить в двоемыслии, знать обо всем, что происходило с нами, но по-прежнему молчать. Читали одни книги, восхваляли другие. Дома пели одни песни, по радио и телевидению звучали другие. Родилось представление: жизнь — это одно, лозунги — совсем другое. Двоемыслие привело к кризису доверия.

Появилось недоверие и к интеллигенции. Сегодня приходится слышать немало воспоминаний о собственном мужественном поведении в период застоя. Почему же произошел застой, если было столько смелых людей? Молчалины объявляют себя чацкими, даже репетиловы к ним примкнули.

— Но, может быть, эти люди совершенно искренне служили то одной идее, то другой?

— В этом и вся беда: сегодня служим одной идее, завтра — другой. К тому же и идеи, если хорошенько их взвесить, имеют разную цену. Недавно я опубликовал документы о расстреле царской семьи. Они принадлежат коменданту дома особого назначения Якову Юровскому. Получил множество писем: как объяснить случившееся?

У философа Бердяева есть мысль: «Ничто так не искажает человеческую природу, как мариональные идеи. Если человеком овладевает идея, что все мировое зло в евреях, масонах, большевиках или еретиках, буржуазии и т. д., то самый добрый человек превращается в дикого зверя. Это замечательное явление человеческого рабства». Тут разгадка происшедшего. Что сделало Юровского и его людей, уверенных, что они беззастовно преданы революции, такими жестокими? Они видели только Тирана. Для них не существовало прислуги и доктора, но были «прислужники Тирана». «Весь мир насилья мы разрушим до основанья...» Разделение настоящего и будущего, цели от средств, которыми они достигаются, явилось одной из трагических ошибок революции. За них заплатили жизнью и те, кто их исповедовал. Наивная вера, что неправедными средствами можно осуществлять праведные цели, была вновь опровергнута жизнью: средства изменили цель.

Хорошо, что сегодня мы можем говорить об этом, и главное, говорить свободно. Правда очень часто бывает горька, но она — правда. Язык Эзопа нас, конечно, выручал, но лучше все-таки говорить на языке правды.

Как разительно схожи иные исторические сюжеты! После смерти Нерона в Римской империи стали появляться лжепероны. Почему? К тому времени коррупция в Риме достигла такого масштаба, что образ человека, который убивал богатых, стал постепенно обрастать легендой. Народ помнил одно: Нерон убивал богатых. Брежнев был маршалом, не выигравшим ни одного сражения, писателем, не написавшим ни одной книги. Когда народ наблюдал разгул брежневской мафии, рождалось и не могло не рождаться: Сталина бы на вас! Но задумайтесь: это ведь он-то и создал условия для брежневщины.

Витязь на распутье: сколько раз эта картина была символом нашей истории! Но хочется верить, что не окажутся пророческими слова французского посла Мориса Палеолога, сказанные еще в XIX веке: «Русский народ самый покорный из всех, когда им сурово повелевают, но он не способен управлять сам собою... Он нуждается в повелителе, в неограниченном повелителе... Малейшая свобода его опьяняет...»

Несправедливые слова. Опровергнуть их, доказать их несправедливость к нам — об этом должен думать каждый из нас.

Беседу вела
М. НЕВЗОРОВА.

